

Социализм и капитализм

Социализм – достаточно многозначное понятие. В западных странах к власти или в представительные органы нередко приходят социал-демократические партии, а в литературе даже некоторые западные страны северной Европы, где имеется высокая социальная защищённость, иногда называют «социалистическими». Исходя из того, что никакой абсолютной точки зрения или авторитетов по поводу социализма не существует, мы можем сослаться просто на исторические факты социализма в XX веке, выделив в них главное.

Где бы термин «социализм» впервые ни появился, и какие бы авторы в это слово ни вкладывали разнообразные смыслы, социалистические страны в наиболее близком смысле этого слова до сих пор возникали исключительно в Азии. Это Россия, Китай и так далее. Устройство стран Восточной Европы, ставших на четыре десятилетия после прихода Красной Армии в Восточную Европу якобы «социалистическими», не показательное, оно носит межцивилизационный характер и может выражать признаки одного и другого.

Исторический «социализм» стал мироустройством, где доминирует принцип отечества, принцип всенародности, принцип доверительной власти, а ключевые капиталистические принципы «священности собственности» и «автономии личности» – оказались вторичными. Именно такие коллективистские основы традиционно характерны народам Азии. Такой исторический социализм впервые родился в России. Иными словами, он возник в совершенно другой, если сравнивать с географией капитализма, части планеты. Вторым характерным признаком социализма стало то, что он утвердился среди народов, которые исторически начали цивилизационный подъём или пробуждение на несколько столетий позже Запада.

Парламент, всеобщее избирательное право, конституция, подсчёт бюллетеней, что получило распространение в Азии позже Запада – это не признаки «капитализма» или «социализма», а как в древности колесо и топор, а ныне мобильная связь и интернет – это всеобщие инструменты соответствующей ступени цивилизации. Социализм стал очередной послефеодальной стадией развития незападной части народов мира, прежде всего народов Азиатской цивилизации. Демократизм стал послефеодальной стадией эволюционного развития народов Запада.

Общим признаком нынешней эпохи *социального государства* в сравнении с предшествующей эпохой *феодализма* является привлечение к формированию и функционированию власти широких народных масс – в той мере, конечно, насколько разобщённое большинство способно оказать влияние на слаженную группу профессионалов и реальных субъектов власти. Отличие азиатского социализма от западного демократизма в нынешнюю эпоху заключается во всём том же вышеназванном отличии Азии от Запада: в Азии система социализма, реальные силы, субъекты власти, стоящие за данной системой, формируются по близости к общенародному интересу. Тогда как власти на Западе выдвигаются и кооптируются такими реальными силами западной системы, которые сформированы на принципе частного интереса, в нынешнее время – на основании обладания значительными размерами частной собственности, конвертируемой в финансы.

Показателен пример Японии. Послевоенная Япония, внешне подчинённая правилам западной демократии и значению частной собственности, по весу общенационального интереса при формировании и функционировании власти, по отсутствию традиционного для Запада низового либерализма, и, напротив, сохранению традиционного для Азии приоритета группового и общественного интереса (восприятие

японцев своей нации как одной сплочённой группы-семьи) в действительности оказывается азиатским, а не западно-капиталистическим явлением. Япония, а не США для народов Юго-Восточной Азии стала к концу XX века эталоном, относительно которого сверяют собственное развитие, сравнивают результаты постфеодальной модернизации.

«Японское чудо» в известной степени повторило путь индустриального «прыжка» Советской России. Так, на первом этапе в Японии в 1950-1970-х годах действовала достаточно жёсткая система государственного административного регулирования. В соответствии с принятыми в 50-60-е годы законами каждая отрасль инфраструктуры контролировалась конкретным центральным правительственным учреждением. Когда экстраординарный этап укрепления экономики, требующий централизованного планирования, миновал, появились иные формы, стимулирующие творчество и активность, включая усиление рыночных механизмов, жизнь потребовала уменьшение прямого государственного диктата.

Сравнивая «капитализм» Японии и «капитализм» Запада, известный американский социолог Сэмюэл Хантингтон в его работе «Столкновение цивилизаций» (1996) писал о «фундаментальных отличиях двух экономик»¹ Японии и Запада, что

«от начала и до конца японская экономика действует не так, как диктуют универсальные законы западной экономической науки»².

Крупный специалист по Японии, старший научный советник Совета по международным отношениям (CFR) Эдвард Линкольн утверждал:

«Японская экономика не следует западной логике, и что бы ни говорили западные прогнозисты, самая простая причина кроется в том, что это не западная свободнорыночная экономика. Японцы... создали такой тип экономики, которая ведёт себя так, что ставит в тупик западных наблюдателей и не позволяет им применять свои навыки прогнозирования»³.

Об отличии экономики и в ещё большей мере политической системы современной Японии и четверки азиатских «Тигров» (Южной Кореи, Гонконга, Тайваня и Сингапура) от традиционной западной модели отмечал Ёсихиро Фукуяма, американский философ и политолог японского происхождения. В частности, в 1989 году он писал, что после 1945 года «победоносные Соединённые Штаты навязали Японии либеральную демократию»⁴, что оказалось весьма внешним, но «японцы, конечно, преобразовали почти до неузнаваемости западный капитализм и политический либерализм»⁵. Та же самая трансформация, по мнению Фукуямы, произошла здесь и с капиталистическим хозяйством:

«Многие американцы теперь понимают, что организация японской промышленности очень отличается от американской или европейской, а фракционное маневрирование внутри правящей либерально-демократической партии с большим сомнением можно называть демократией. Тем не менее сам факт, что существенные элементы экономического и политического либерализма

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., «Издательство АСТ», 2003. С.357.

² Там же.

³ Edward J. Lincoln. Japan's Unequal Trade (Washington, D.C: Brookings Institution, 1990). Pp.2-3. / Цит. по: Хантингтон С. Там же.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? «Вопросы философии», 1990, N 3.С.141.

⁵ Там же.

привились в уникальных условиях японских традиций и институций, свидетельствует об их способности к выживанию»⁶.

Профессор политической экономии Гарвардского университета, специалист по Восточной Азии Дуайт Перкинс подчёркивал характерное отличие развитых азиатских государств от западных:

«Природа этих контактов [бизнес-сообществ здесь] с властями была довольно разнообразной и во многом определялась совместимостью культуры бизнес-сообщества с культурой и интересами тех, кто сосредоточил в своих руках рычаги управления государством. В таких странах, как Южная Корея и Япония, чиновники происходили из одной и той же этнической группы и зачастую заканчивали одни и те же школы. В этих случаях не всегда легко было разобраться, где заканчивается государственная власть и начинается бизнес»⁷.

Кризис, или наблюдаемый с начала XXI века застой японского развития на фоне «китайского чуда» в большей мере вызван, думается, не столько потенциальным пороком в экономическом и политическом устройстве Японии и тем более не в снижении трудолюбия и творческого потенциала японцев, сколько включённостью этой азиатской страны во многом в общемировую западную систему, которая испытывает длительный затяжной кризис, вызванный перестройкой мировой экономики в связи с общим поднятием Азии. Например, западные страны с момента товарной экспансии Японии, Кореи и Китая в целях удержания рыночных позиций стали активно привлекать на свою территорию иностранных рабочих из стран третьего мира и в этом смысле «омолаживаться». Но для Японии, точно так же как для любой другой страны с монголоидным населением, подобная «интеграция», во всяком случае на собственной территории, проблематична, и трудоспособное население Японии «старееет». Соединение народов Азии в единый Азиатский Союз, или Союз Востока, тесная культурная и производственная интеграция без обезличенного «взаиморастворения» и без неокOLONIALИЗМА, поможет достичь общесистемной, общецивилизационной гармонии и стабильности развития этой половины земного шара.

На примерах Японии и четырёх «тигров» Азии, а также Индонезии, Малайзии, Таиланда и Филиппин учёные пытаются придумать новый тип капитализма, отличный от традиционно-западного капитализма, но зачем вводить новую терминологию, путающую Восток с Западом? После падения в Азии искусственной, выстроенной на бесконечных запретах и навязанных шаблонов коммунистической системы, в Азии выявилось значительное разнообразие, равно как и очевидная *естественная* поляризация Запада и Азии, не имеющая никакого отношения к идеологическому разделению мира на «эксплуататоров» и «эксплуатируемых», «белых» и «красных».

После Второй мировой войны, подтолкнувшей рост роли государства и государственного планирования в западных странах, всепланетная тенденция к увеличивающейся роли государства не ослабевает. Человечество в лице ведущих стран готовится к переходу к следующей эпохе с превалированием всего фундаментального и глобального, а государство и центральные международные органы, такие, как ООН, Совет безопасности и постоянные комиссии ООН, в первую очередь, ЮНЕСКО, а также Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирная торговая организация (ВТО), многие из которых пока ещё под англо-саксами – они и являются

⁶ Там же.

⁷ Дуайт Перкинс. Законность, семейственность и азиатский способ ведения бизнеса / В кн.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу // Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. Изд-во Московской школы политических исследований. М., 2002. С.211.

самыми фундаментальными и глобальными. Одними из первых процесс глобализации обнаружили экономисты, отметив с начала XXI века устойчивую тенденцию владельцев корпораций к слияниям и поглощениям. Это похоже на эпоху позднефеодальных империй, активно поглощавших мелкие княжества, только теперь «империями» становятся не на политическом и территориальном, а на технологическом и экономическо-цивилизационном основании, и в отличие от узконаправленного империализма XX века глобальные потоки теперь проникают намного глубже и захватывают максимально широкий спектр жизни.

Ведущие западные страны, питавшие явление империализма до середины XX века, были похожи на ледоколы, которые разрушали на пути любые преграды и добивались своего господства на генеральных интересующих направлениях или в интересующей плоскости. Остальное, не попавшее под их прямой удар, имело возможность развиваться относительно независимо и естественно. В XXI веке Запад, устремляемый мировым олигархатом, практически не оставил в цивилизационном пространстве, особенно для молодых или слабых наций, свободного места для естественного или хотя бы щадящего развития. Результирующая деятельность экономических и политических верхов Запада с конца XX века похожа на глобальный процесс выжимания мокрой тряпки, когда отжимается вообще всё возможное для получения «сухого» остатка, а вся остальная «грязная вода» сливается в отстой. В результате подобного «слива» на планете, как писал Мануэль Кастельс, появился новый обедневший сегмент человечества, который иногда называют «четвертым миром». Он охватывает обширные территории земного шара, в частности, большую часть Африки южнее Сахары и сельские районы Азии и Латинской Америки. Но новая география социального отторжения, отмечает учёный, в той или иной мере затрагивает каждую страну и каждый город мира, «четвёртый мир» сегодня стал неотъемлемым спутником США и других ведущих западных стран. Четвёртый мир населён миллионами бездомных, обнищавших, часто неграмотных людей, перебивающихся случайными и нередко противоправными заработками. Как отмечал Мануэль Кастельс, в своей жизни им приходится пройти через множество кризисов: голод, болезни, пристрастие к наркотикам и высшую форму социального отторжения – тюрьму. Когда их бедность превращается в нищету, они легко оказываются на наклонной плоскости, сойти с которой практически невозможно⁸. Данная тенденция противоречит популярному на Западе в конце XX века либеральному тезису, что прилив новой экономики снимет с мели все корабли. Скорее похоже на то, что подобно христианству, которое пришло когда-то к отверженным и лишённым, и его силой в конечном итоге был повержен дряхлеющий Рим, именно из низших социальных слоёв и отверженных наций, этого «дна» современного Запада, произойдёт возрождение Западной цивилизации, прилив возмущённой энергии низов и молодых народов снимет с эволюционной мели обросший тиной и ракушками западный корабль.

С понятием «капитализм» произошла ещё большая путаница, нежели с понятием «социализм». Сам термин «капитализм» в общеизвестном смысле получил распространение благодаря «Капиталу» Карла Маркса, но в ещё большей мере благодаря победе в России коммунистов и образованию СССР. В одной из ранних работ Маркса, фактически его первой стартовой работе, можно обнаружить названные им верные черты пружины капитализма, хотя и не столь рельефно им обозначенные⁹. Это, во-первых,

---

⁸ Castells M. End of millennium. Oxford; Malden, MA: Blackwell, 2000 /1998. Pp.169-170.

⁹ Первая значительная работа Маркса – «К еврейскому вопросу» (опубликована в февр. 1844), где провозглашены ключевые идеи будущего марксизма, в немалой степени была переложением идей Мозеса Гесса, сформулированных в работах Гесса «Европейская триархия» (1841) и «О сущности денег». Эту свою работу Гесс привёз Марксу для публикации в его журнале, но Маркс, будучи редактором того журнала, эту работу не поместил, как предполагают из-за чрезмерных антисемитских высказываний (касательно Молоха

олигархичность капитализма, то есть не сводимость сути капитализма к так называемому рядовому «классу буржуазии», ибо финансово-политический олигархат – это нечто особое, надстроечное над прочими социальными слоями в теле любой страны, в том числе и над классической национальной «буржуазией». А во-вторых, что такой олигархат в отличие от традиционных социальных слоёв любой страны имеет заведомо *международный характер*, независимый от национальных правительств и национальных обязательств перед отечеством. По влиянию данной группировки на жизнь народов планеты этот финансово-политический олигархат является, как сказано в Живой Этике (Агни Йоге), *теневым мировым правительством*.

Однако в той своей первой работе Маркс суть данного мирового олигархата свёл к узкому национальному фактору, ошибочно съехав к известному «вопросу», и «мировому заговору», а после той работы (тираж того журнала, кстати, был почти полностью арестован) он вообще перестал заикаться об этой теневой мировой силе и всех собак повесил на абстрактный «класс буржуазии», или «класс эксплуататоров». Маркс призвал уповать на историческую закономерность смены фаз и для быстрее прихода коммунизма возвращать в Германии, Франции и прочих западных странах буржуазию и, соответственно, квалифицированный просвещённый рабочий класс, чтобы достигнуть передового уровня капитализма как в Англии и Соединённых Штатах. Когда русские народники и социал-демократы обратились к Марксу с вопросом, а что делать России, в которой капитализмом в его западном оригинале практически ещё не пахло, то Маркс остался непреклонен: дорога к земному раю лежит исключительно через капитализм, и судя по всему, что сказано Марксом и Энгельсом по вопросу о нациях и цивилизациях – через Запад¹⁰. И только с появлением на исторической сцене Ленина понятие «капитализм» в связи с обнаруженным Лениным с начала XX века «империализма», выявленной им особой роли трансмонополий отчасти обрело своё правильное толкование.

Но и у Ленина осталась существенная недоговорённость, поскольку субъектами обычного империализма, империалистических войн, как ни крути, выступают всё же национальные государства, в XX веке это были для марксистов-ленинцев правительства западных стран – проводники «интересов буржуазии» этих конкретных стран, в совокупности – буржуазный Запад. Но правительства ведущих западных стран, и даже миросистемно консолидированный буржуазный Запад – только, как говорится, верхушка айсберга, а проблема была гораздо глубже. Ленин имел возможность в том убедиться, когда мировой олигархат смог договориться и с западными социал-демократами, и с меньшевиками из оппозиции, и с отдельными большевиками из ленинской партии. Историки и конспирологи совершенно запутаны и сбиты с толку, когда из постепенно раскрываемых первоисточников выясняется, что закулисные и тщательно скрываемые переговоры британцев и американцев, начиная от чиновников правительства, и заканчивая главами и представителями ведущих банковских и промышленных концернов, одинаково и плодотворно велись и с большевиками и с фашистами. И коммунизм, а впоследствии и фашизм, равно как любые народы, страны и территории вполне могли быть интегрированы в новый мировой порядок всё с тем же мировым олигархатом во главе.

Иммануил Валлерстайн, анализируя работы Маркса, утверждал, что капитализм основан на поддержании равновесия между тремя уровнями общества: эксплуататорами, эксплуатируемыми и третьим, промежуточным и весьма значимым слоем, который является одновременно и тем и другим, или то тем, то другим, и который заинтересован в существовании эксплуататоров и эксплуатируемых; марксизм как раз стремился устранить этот промежуточный скрепляющий и амортизирующий буфер и поляризовать

и пр.), а поместил свою «К еврейскому вопросу». Гесс же опубликовал ту свою работу в другом издании в 1844 году, почти на год позже Маркса.

¹⁰ См.: Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Русские и Маркс: выбор или судьба? М., Эдиториал УРСС. 1999.

крайности для лишения системы устойчивости, чтобы разрушить всё капиталистическое здание, взорвать всё «буржуазное общество»¹¹.

Но в действительности, если уж переходить на уровень онтологических закономерностей и «чисел», любая устойчивая динамическая система состоит не из трёх, а из четырёх потоков. Табуретка в вагоне поезда устойчива при трёх опорах, но сам поезд при этом может ехать под откос. Предмет на поверхности планеты, согласно законам механики, обретает устойчивость на трёх основаниях, но за пределами ньютоновой механики остаётся открытым вопрос: что охраняет стабильность сотни важнейших для жизни параметров, в частности средний температурный показатель на поверхности, зависящий в том числе от расстояния Земли до Солнца, бушующей активности Солнца и активности подземного огня?

Взаимодействие трёх базовых потоков любой системы с *четвёртым*, надсистемным потоком, возводимым к иерархически более высокому или более центральному основанию, в абсолютном смысле – к Иерархии жизни, обеспечивает подлинную эволюционную устойчивость перед давлением хаоса, благодать мирового развития. В духовных традициях наряду с тремя уровнями жизни, затрагивающими физический, психический и ментальный план, называется также четвёртый, духовный план, всеобъемлющий и направляющий гармоничное движение нижних трёх. Вот этому господствующему в гармоничной Вселенной созидательному потоку издревна на Земле противостоит гидра самости, корысти и гордыни. И именно этот четвёртый суррогатный поток, называемый сегодня «мировым теневым правительством», «болезнью», «тенью», или ещё как угодно, многие наблюдательные социологи, вполне зная его, тем не менее, публично упорно отказывались его упоминать.

С точки зрения марксистского и вторящего ему ленинского учения гибель капитализма (империализма) неизбежна. Но мировой олигархат, мировое теневое правительство – это отнюдь не простое продолжение бизнесменов, финансистов и собственников, и это не просто верхний этаж нации, государства или планетарного социума. По организационной структуре это больше похоже на тайный разветвлённый орден, по инородности устремлений – это отдельный обособленный остров, по способу жизни – это паразитическое растение на теле мирового социума, и, как показывает история, в эволюционном смысле – это сила, фактически увлекающая поезд человечества под откос.

Эта четвёртая суррогатная власть сама никогда не создавала никаких великих империй, никаких особых цивилизационных инструментов (религий, учений, доктрин, таких институтов, как государство, право и т.д.). Она не продолжение субъектов планетарной истории – народов и наций, она – вредоносная накипь. Четвёртая власть есть искажённая копия и претензия на Вселенскую Иерархию. Она только приспособилась к любому естественному потоку власти и пользовалась любым значимым в данную эпоху инструментом. Маркс обнаружил фазы общественного развития и утверждал о неизбежном завершении фазы капитализма, или как бы эта современная ему стадия ни называлась, но он, отождествив феномен олигархата с верхним социальным и организационным слоем развитых западных государств, размазав и потеряв всё в абстрактной концепции «классов» и «классовой борьбы», в результате и не выявил агентов и саму болезнь, не объяснил, что помешает гидре себялюбия, корысти и гордыни, пронизывающей и питающей современный олигархат и аристократию развитых стран, в лице новых носителей и нового олигархата переползти в следующую фазу общественного развития, в очередной раз приспособившись к новым условиям? Как показала история, например, из феодализма в социализм данная гидра вползала весьма продуктивно. Если такую гидру сшибать дубиной внешних ударов и запретов, что поначалу делал Геракл в

---

¹¹ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб, «Университетская книга», 2001. С.60 и др.

известной аллегории, или как это по-простому, по-пролетарски предлагал Маркс, и тем более как это топорно на практике в одно время делал Мао Цзэдун, то на месте одной поверженной головы будут вырастать новые две. Победа над гидрой, а под конец жизни и вообще над земным заражением была достигнута Гераклом по-другому.

Пресловутый «золотой миллиард», часто поминаемый в современной российской литературе – это также уводящая в сторону концепция, ибо мировое теневое правительство так же легко при необходимости сольёт нынешнее население «золотого миллиарда» (население развитых стран), как в первое десятилетие XX века легко была переведена значительная часть промышленности с дорогостоящего Запада в дешёвую Азию. Повторим, что надгосударственная или внесистемная олигархичность как хроническая патология способна прорасти из повсеместно рассеянных спор при любом общественном устройении и при любой форме, в том числе и при демократизме, и при коммунизме, и при фашизме, и при теократическом правлении. Корни заболевания слишком глубоко затронули человечество, его культуру, его историю, породив слишком много причин, неизбежно воспроизводящих и воспроизводящих негативные следствия. Изменение лишь форм экономики и политики, изменение региональное, а не всепланетное, изменение внешнее, а не внутреннее – делу не поможет.

Сутью явления, генерирующего на планете паразитизм – притязание на незаработанное, является устремление к *господству и привилегиям*. Проще выражаясь, это два аспекта патологии, активный и пассивный, динамический и статический, «ян» и «инь» патологии, «агрессия» и «болото». Это – стремление овладеть любой формой, позволяющей возвыситься, с воспроизведением необходимого второго полюса – всевозможных форм рабства, физического ли, экономического или духовного. Мы и называем наиболее близкие образы: агрессивность и болото. Это воспроизведение круга энергии, только с понижением её качества, вращение колеса эволюции в противоположную сторону.

В каждую из фаз или ступеней общественно-исторического развития активизировался то динамический аспект патологии, то статический. Засилье идеократов при *феодализме*, особенно в его первой стадии – это как раз превалирование *болотных привилегий*. Отсюда представление о той эпохе как о «тьме средневековья». Агрессивность *капитализма* – следующая стадия. Затем при наступлении новой стадии – *глобализма*, усилятся тенденции к статичности и загниванию. Родник мировой Культуры, всемирный Ренессанс Культуры и свет Новой Духовности станут спасением в наступающую эпоху от глобальной тлетворности и глобального нравственного разложения.

Размер собственности и процент эксплуатации, т.е. экономический аспект – только частный случай инструментария. Во времена господства жрецов данный экономический аспект был вторичен, отнюдь не стремление к барышам двигало теократическую верхушку навевать туман и стремиться властвовать над королями королевств и душами соплеменников. Большинство населения планеты к деньгам и «экономике» пристрастилось не столь давно, лишь при актуализации рынка и денежного инструментария. Многие тысячелетия в качестве инструмента господства и закабаления широко использовалась религия и возглавлявшая её жреческая конгрегация. Сегодня – демократия и глобализация. Хотя и религия, и церкви, и демократические институты, и международные союзы сами по себе изначально зажигались пионерами человечества и посланниками Неба как раз для борьбы с хаосом, с разложением и паразитизмом, как рычаги положительной эволюции. Завтра главными инструментами патологии может стать информация, культура, психическая энергия, иной актуализированный жизненный ресурс.

В широком смысле главным «капиталом» в мироздании является жизнь, всё остальное только инструменты подступа к этому главному. Вот притязание своим обособившимся островом на господство над жизнью, заражение организма планеты

болезнью так, чтобы невозможно было раковую болезнь вычленивать и полностью лекарствами извести, в максимальном устремлении – абсолютное господство над планетарной жизнью и смертью – суть чёрной гидры. Политэкономия здесь явно не тот диагностический метод, а диктатура, запреты и железный занавес – не то лекарство.

Капитализм – это не некий строй, альтернативный или предшествующий социализму, а одноимённые «капиталисты» – это не виновники всех мировых бед, стоящие на пути к счастью человечества и подлежащие по известным радикальным учениям искоренению. Те, кто организовывал и организует производство, сельское хозяйство, науку, функционирование населённых пунктов и целых стран, в любой стране и при любом строе – это в первую очередь мастера своего дела, это достояние человечества, а вовсе не «эксплуататоры». Эксплуатация, насилие, злоупотребление, это по своему главному смыслу – нравственные категории, это известный строй и направленность души и сознания, а не принадлежность к расе, нации, социальному слою, профессии или ещё какому-нибудь материальному или функциональному, то есть внешнему носителю.

Современный капитализм, а правильнее его называть *глобальный империализм* – это мировая надгосударственная система организации товарных, финансовых и международных отношений на особых правилах и привилегиях, поддерживаемая и защищаемая выдрессированными правительствами и аппаратом принуждения большинства ведущих стран мира, используемых мировой финансовой олигархией, сращенной с ведущими аристократическими семействами этих стран.

Демократия на Западе, призванная быть духом нынешней эпохи, превращена глобальным олигархатом в большой театральные спектакль, в большой балаган с заранее прописанными ролями. Такая западная демократия сегодня – это когда населению каждой западной страны предоставляется возможность выбрать цвет обоев в общенациональном здании в цветочек или в горошек, вся эта борьба за цветочек и горошек широко освещается в национальных и мировых средствах массовой информации, тогда как конструктив здания и целого мирового города, используемый здесь материал стен и состав его внутридомовых и общегородских коммуникаций, то есть так называемые в строительстве «скрытые работы», рассчитывают и определяют профессионалы, а те контролируются теневым мировым правительством.

В чём отличие деятельности данного олигархата от известных теорий «мирового заговора»? В том, что основанием такой деятельности является не стремление «кого-то извести», не «мировой заговор» в целях нечто перевернуть, а позиция «обособленного острова», полипа, живущего паразитизмом на энергиях мирового дерева. Данная аномалия уходит в незапамятные времена, и в философском смысле означает восстание или противодействие основам мироздания.

Как выяснили некоторые историки и экономисты, строго говоря, «свободной рыночной экономики», того самого перпетуум мобиле, якобы вознёсшего англо-саксов на вершину материального процветания и их гегемонии, в приписываемой либеральными экономистами чудотворной роли никогда не существовало, тем более на закате феодализма. Рынок в отведённой ему роли мотора конкурентной борьбы существует до тех пор, пока существует равенство участвующих конкурирующих партнёров и пока они не уничтожили друг друга. Такого равенства, как показали обычные, а также торговые, информационные, идеологические и прочие войны, никогда не существовало, ибо кто же будет тем рефери, который всех поставит в одинаковый ряд? Как сказал литературный герой: «А судьи кто?» История показала, что торговые войны по методам ничем не отличались от обычных войн, а политическое устремление взгромоздиться над общими правилами и закрепить за собой особую привилегию – до сих пор наблюдалось при любой строе, при любой фазе общественного развития. Производители, торговцы и покупатели,

разумеется, во все времена были свободны участвовать или не участвовать в рыночном обороте, но правила участия и само «поле», на котором осуществлялось это их «рыночное» участие, в ключевых моментах определялось соответствующими субъектами власти. Инструментом реализации данной власти с давних времён выступал послушный аппарат государственной машины, и часто даже сами монархи, а тем более президенты, оказывались лишь пешками в непонятной им более сложной глобальной мировой борьбе.

Уже почти тысячелетие (а по большому счёту – вообще за всю известную историю цивилизованного человечества) главная субъектность власти осуществляется не на национальной площадке, а на мировой, на широком поле межнациональных и межцивилизационных отношений. А здесь субъектами выступают общественно-национальные общности, государства в лице их представителей, от дипломатов до самих монархов или президентов, которые в значительной мере подвержены влиянию надгосударственных сил. Короче говоря, роль государственной машины и манипулирующих, либо направляющих её лиц, а вовсе не пресловутого «свободного капиталистического рынка», во все времена была определяющей.

С середины XX века на основе принятого в США в 1948 г. плана Маршалла и ранее достигнутых атлантических договорённостей между США и Британией, выстроился теперь уже полностью глобальный общезападный механизм. Можно сказать, что наступил очередной новый период капитализма, отличный от начального спонтанного капитализма, сменившийся затем монополистическим и империалистическим капитализмом, и к началу XXI века дозревший до глобального планетарного империализма Запада как такового. Таким образом империализм – как большая мировая машина, контролируемая теперь единым мировым олигархатом, к середине XX века глобально воцарился на земле.

Ошибочно полагать, как пишут некоторые западные авторы, что к началу XX века в масштабе всей планеты сложилась *капиталистическая миросистема*. Что возникновение СССР, Китая и Кубы было лишь специфическим периферийным и полупериферийным локальным развитием той же самой капиталистической миросистемы. И что перестройка в России только доказала, что все страны должны подчиниться законам такого наиболее эффективного существования и развития, как мировой капитализм – мост к некоему идеальному, хотя бы и к социалистическому обществу. В действительности нет такого феномена, как «капиталистическая миросистема» планеты, а есть навязанный глобальный империализм, навязанный в том числе мировыми войнами и длительным колониализмом. Это чисто поверхностная система правил и обычаев мирового рынка капиталов, материальных ресурсов и труда, полномерно работающая лишь на Западе, а для остальных народов – лишь в рамках международных расчётов и заказов. Она работает заведомо в пользу, во-первых, белого Запада и в ущерб не-Западу, а, во-вторых, реально находится в ключевых моментах под контролем мирового олигархата – островного явления, вообще не выражающего всю миросистему и даже её часть – Запад. Как любые внешние суррогатные меры данная система держится на насилии и обмане, она не охватывает всех аспектов миросистемы, при первой же возможности значительная часть человечества, целые народы и цивилизации её с радостью, как ярмо и как дурной сон, сорвут.

Отличие «государственного социализма» (в Азии), олицетворяемого Россией, от «государственного капитализма» (на Западе), олицетворяемого теперь Соединёнными Штатами, заключается не в форме, форма доминанты государства и основные политические институты в той и другой стране в техническом смысле практически одинаковы. А в том, кто в каждой из стран является реальными национальными субъектами власти, и на какие здесь опираются базовые принципы при использовании этих внешне одинаковых инструментов.

На каких же принципах формируется публичная властная субъектность в странах современной Западной цивилизации, в частности, в условиях глобального империализма? Мы говорим именно о *публичных* и *национальных* персоналиях, а не о «четвёртой власти», существующей непублично, наднационально и озабоченной форматом жизни и смерти, а не имущественными миражами. В публичной сфере в отношении любого национального западного лидера по возможности не допускается резкий отрыв его личного политического капитала от его связанности материальным капиталом, от ответственности этим самым материальным капиталом. Таких материально независимых национальных вождей, как Наполеон Бонапарт или Шарль де Голль, мировой олигархат всеми способами от власти и от опоры на нацию стремился отстранить. Здесь политик лично сам, либо семейным кругом принадлежит орбите капитала, то есть активу, выходящему, особенно в эпоху единого рынка, из-под зависимости нации. Либо он не более, чем нанятая капиталом фигура. Иными словами, политически значимый вес лидера в любом случае должен быть обусловлен материальным капиталом, то есть *внешними* ценностями. В перспективе капитал в его ценностном измерении может заместиться на Западе чем-то иным, нежели товарные или финансовые эквиваленты, но главный признак останется – *внешняя* обусловленность. Для мирового олигархата склонность народов Запада к внешнему мировосприятию оказывается крайне привлекательной. Ибо внешними атрибутами помыкать легче всего.

В Азии высшая ценность определяется нематериальным авторитетом, то есть *внутренним*, тогда как материальные признаки (размеры резиденции, элементы почёта, земельные ареалы, деньги и пр.) в одних случаях воспринимаются лишь как закономерное следствие (например, для лиц государственной власти и управления), а в иных случаях материальный признак в оценке веса вообще игнорируется (для лиц, например, духовного авторитета). В Азии намного лучше понимают широту мира нематериальных ценностей, многие из которых невозможно приобрести за ценности материальные, в том числе за деньги.

В России в перестроечные 1990-е годы был, казалось бы, разрушен социализм. Вместе с тем, за все прошедшие годы избирательных компаний на федеральном и местном уровне приоритеты населения и мотивы голосования остались неизменны, а партии, проповедующие ценности капитала и индивидуализма потерпели в России фиаско даже в центральных городах. Много похожего от социалистического фильтра и в Японии, и в Южной Корее. В западных капиталистических странах, именуемых иногда «государственным социализмом», например, в странах Скандинавии, при всей внешней схожести с социализмом Азии, остов совершенно другой – частно-индивидуалистический. Иными словами, у социалистической и демократической (капиталистической) систем может много оказаться внешне похожего, но мотивы поведения, базовые принципы будут в них фундаментально разными.

В результате мы приходим к расширенному пониманию социализма, заметно отличающемуся от утилитарного представления о социализме как о строе исключительно «без частной собственности». Ведь строго говоря, собственность – это параметр, имеющий наипервейшую значимость для ранжирования власти при капитализме и на Западе. Или вопрос о «частной конкуренции», о её наличии или отсутствии в справедливом обществе. И это не базис, а средство, особо критичное на каком-то этапе, преимущественно на начальном этапе выявления и утверждения в обществе новых субъектов власти. Пока старое разрушается, а новое утверждается, толкания неизбежны. На Западе такое толкание превратилось в «дикий капитализм», в «дикий Запад» эпохи колониальных захватов и «золотой лихорадки». А в Азии, при утверждении социализма в условиях враждебно наседающего Запада – в «тоталитарный социализм» и диктатуру компартии и бюрократии. Поэтому, будет ли частная собственность и конкуренция при

социализме или нет, будет ли она в общезападном смысле, или в ином, в той или другой пропорции с централизованным планированием – это вопрос ситуационный, технологический и тактический, а не сущностной.

Социализм и демократизм являются формами послефеодальной формации не для отдельно взятой страны, а для *группы* созвучных стран. Переход к очередной новой ступени, в данном случае к социализму для одних и к демократизму (капитализму) для других работает в отношении созвучных стран как водоворот или цепная реакция.

Народовластие, или как это на греческом звучит – *демократия*, то есть *социальное государство*, является характерным признаком не капитализма или социализма, а признаком современной ступени эволюции ведущей волны человечества. Чтобы та или иная страна в Азии или из иных созвучных регионов стала по существу, а не по форме, социалистической, её стержневая нация должна для этого созреть, то есть быть готовой расстаться с психологией феодализма, с принципом абсолютизма или монархии, и утвердиться на принципе народовластия и широкой самостоятельной инициативы. С каждой эпохой, или общественно-исторической формацией растёт степень инициативы, ответственности и самоосознания широких народных масс, каждого отдельного человека и общества в целом.

На ранних этапах западного демократизма на Западе произошёл болезненный перекокс в сторону частного рвачества и эгоизма с умалением коллективности и общественной ответственности, западный демократизм подпал в зависимость надгосударственных монополий и капиталов. Разгул низших страстей, экономическая проституция, то есть продажность во всех смыслах, культивирование разврата и потребительства, деморализация молодёжи, а с 2000-х годов и втягивание в этот процесс посмодерна детей через телевидение и компьютерные развлечения – все эти болезни капитализма хорошо известны. За последние два столетия господства религии «золотого тельца» ситуация только усугубилась. Именно стремление избавиться от этого всеразлагающего заболевания вызвало выступления теоретиков-социалистов, начиная от социалистов-утопистов Томаса Мора, Сен-Симона и Фурье, и заканчивая Прудоном, Марксом и Энгельсом. Можно спорить о методах лечения, предложенного тем или иным мыслителем, но не о факте заболевания и необходимости его лечения.

Баланс между частным и общественным принципами на Западе оказался катастрофически нарушенным, такое положение стало источником роста всевозможных социальных патологий. Апофеозом патологии в масштабах планеты стало развязывание мировых войн, Армагеддона Второй мировой войны. Массы инициативных людей на Западе, те, кто был способен влиять на общественное мнение, оказались развращены лжеценностями и безответственностью, либо дезориентированы, и такой безответственности и такому островному эгоизму вторили. Если бы не великие произведения культуры (вопреки, а не благодаря нарождающемуся капитализму появившиеся на Западе), пробуждавшие сердца к возвышенному, если бы не великие духовные воззвания Священных Писаний, восстанавливающие подлинную иерархию ценностей и единство, трудно представить, до какой низости могло бы пасть человечество.

Поэтому глобальный капитализм (власть мирового олигархата) порочен не потому, что он является антитезой азиатскому социализму, а потому, что он противоестественен также и народам Запада, он аномален и западному демократизму, и общепланетарному развитию в целом. Это прогрессия мирового заболевания, а вовсе не естественно историческая фаза развития каждого народа или каждой цивилизации, уготованная всем.

Будет ли законодательно переход к ступени социализма оформлен в ограничениях на частную собственность и частную предпринимательскую конкуренцию, как это было при коммунистических режимах во времена СССР, или же почти без таковых

ограничений, как в Индии, это не имеет для сути социализма решающего значения; важнее полнота проявления и синтез многогранной личной и коллективной инициативы, народовластия и ответственности перед согражданами, которые характеризуют наступившую эпоху социального государства, сменившую феодализм.

А.В.Владимиров

www.vav.ru